

Российские лютеране
К 500-летию Реформации
стр. 13

П Е Т Е Р Б У Р Г С К И Й Диалог

ПЕРВАЯ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКАЯ ГАЗЕТА

Ушла на год в деревню
Как наша журналистка воспитывала немецких детей стр. 3

Октябрь 2017

№3

Не поддаться отчуждению
«Петербургский диалог» строит планы

стр. 2

Газ уходит?
Юрий Барсуков с Петербургского газового форума

стр. 7

Россия—Германия: искать варианты
Размышления Тео Зоммера

стр. 5

Кто кого укутает
Будущее соперничество на зимней Олимпиаде

стр. 15

Немецкая группа — мировой лидер театрального нон-фикшн. Видя Колыму и слушая рассказы дальнотойщиков, московские зрители едут по окраине столицы

КУЛЬТУРА

Приезжайте к нам на Колыму

Немецко-швейцарская группа «Римини-протокол» недавно дала в Москве последний спектакль перед осенне-зимними каникулами. Чтобы вместе с 50 зрителями проехать в фуре, где идет спектакль «Карго-Москва», на окраину столицы, в Капотню, отправилась **Ольга Федянина**.

В России «Римини-протокола» есть свой немаленький круг поклонников — их проекты не только регулярно приглашают на фестивали, но и переносят в Россию путем локализации. Последняя из таких локализаций — проект «Cargo X», который летом получил московскую прописку как «Cargo Moscow». Поездка по московской окраине в специально переоборудованной для 50 зрителей грузовой фуре длится полтора часа и построена как двойное путешествие. Одна часть — воображае-

мая — многодневный переезд из Москвы в Магадан. На внутреннюю стену фуры проецируются кадры специально снятого фильма, документирующего маршрут, в колонках звучат голоса двух водителей-дальнотойщиков, рассказывающих дорожные байки и истории из личной жизни. Время от времени вместо колымского ландшафта возникают строки стихов, цифры, статистические данные о грузовых перевозках, зарплатах водителей, налогах, оборотах. Второе путешествие — реальное — вклинивается в первое, когда боковая стенка фуры поднимается, за ней

оказывается стеклянная перегородка, открывающая взгляду бирюлевскую промзону. По ней передвижной спектакль, собственно, и едет «в Магадан».

Совмещение пространств, совмещение двух реальностей — и главный прием, и смысл проекта. Вот закрытая фура трясется по незримым, но осязаемым московским дорогам, а на экране перед вами какой-то из притоков реки Колымы, через которую вы в этот момент «переезжаете». Шум воды на экране переходит в шум воды снаружи, стенка фуры поднимается — оказывается, вы заехали на

автомойку, за стеклом виден мойщик с шлангами, щетками, тряпками. Теперь вы узнаете что-то и про мойщика, откуда он приехал, сколько часов в день работает, сколько зарабатывает. Вымытая фура отъезжает, приветливый человек машет ей вслед — московский гастарбайтер прощается со своими зрителями.

На самом деле в «Cargo Moscow», как и во всех спектаклях «Римини-протокола», актеров нет. Здесь никто ничего не играет и никто ни в кого не перевоплощается.

>> стр. 10

ПЕРСОНА

«Когда я очутился в Германии, мне казалось, что я попал на тот свет»

Выдающийся русский писатель **Владимир Войнович**, который в нынешнем году отметил 85-летие, в 1980 году был выслан из СССР и поселился в Мюнхене. С тех пор его жизнь тесно связана с Германией. Писатель рассказывает о тесном переплетении двух культур и делится личным опытом жизни за рубежом с **Андреем Архангельским** в интервью для «Д».

— Ваша жизнь с 1980 года связана с Германией. Каким было первое впечатление? Вероятно, растерянность, как у всякого человека, лишенного родины (в декабре 1980 года Владимир Войнович был выслан из СССР, а в 1981 году лишен советского гражданства. — А. А.). Можете сейчас вспомнить этот момент?

— Когда я впервые прилетел в Германию, первое чувство было... странное. Вот я прохожу через паспортный контроль, вижу — за будкой стоят люди, которые меня встречают: писатель Виктор Некрасов (когда он уезжал из СССР, у меня было чувство, что я простился с ним навсегда), знакомые, друзья-иностранцы — одна немка, двое итальянцев, двое поляков... И у меня было ощущение, что я попал на тот свет и меня там встречают. На самом деле я предполагал, что меня в конце концов выгонят из СССР, но все равно не был к этому готов. И все, что случилось потом, воспринималось с оттенком абсурда. Например, нас поселили в очень хорошей гостинице Splendid в Мюнхене. Там останавливались разные знаменитости, начиная с Хемингуэя. Потом управляющая гостиницей рассказывала о своем первом впечатлении: какие-то люди, по виду даже неплохо одетые, приехали в дорогу гостиницу, на лицах была какая-то... печать отчаяния, несчастья. До такой степени, что она, после того как подавала нам завтрак, иногда закирала у себя и плакала. Вот такое мы производили впечатление.

— Как происходило ваше знакомство с немецким обществом, с медиа?

— Все началось с курьеза. Ко времени переезда в Германию мой «Чонкин» уже был переведен на 30 языков, и я, как мне казалось, был довольно известен за границей. К тому времени я уже четыре года был членом Баварской академии искусств. После выступления там меня окружили журналисты и стали задавать вопросы. Я им рассказал, что родился в Таджикской ССР, потом был долгое время рабочим, потом служил в армии, потом стал писателем. Наутро выходят газеты, и почти во всех написано так: «Владимир Войнович, простой таджикский рабочий, написал роман и был изгнан из Советского Союза». Я решил уточнить ситуацию.

>> стр. 10

ДИПЛОМАТИЯ

Корейский горизонт

За последние полгода европейские страны, Россия и Китай оказались втянуты в новый конфликт с участием Северной Кореи.

О том, какие факторы не учитывает Европа в сюжете вокруг ядерной программы Пхеньяна, в материале **Сергея Агафонова**, главного редактора журнала «Огонек», ранее — собственного корреспондента газеты «Известия» в Японии.

Казалось бы, за минувшие годы мир должен был привыкнуть к политическим синусоидам корейского происхождения, но полученные уроки никак не идут впрок. Каждое новое обострение воспринимается широкой общественностью как «рубежное», апокалиптические прогнозы плодятся как грибы, а рассказами о неминуемых несчастьях доверчивого обывателя доводят до степени нервного истощения. Заканчивается при этом всегда одинаково: тревожная волна идет на убыль, потом наступает успокоение — и так уже было много-много раз. Так и будет дальше, поскольку в оценках ситуации и анализе перспектив большинством европейских (и не только) комментаторов не берется в расчет ключевой момент: у корейского сюжета просто нет открытого финала. То есть фантазировать на тему, «что было бы», можно до бесконечности (и эти фантазии очень бодрят), но сбываться всему наговоренному и придуманному не суждено, потому что корейский «флакон» запечатан и таковым останется по крайней мере на ближайшие пару десятков лет. Попробую объяснить почему.

Сергей Агафонов

даже серьезных экспертов в расчет не берутся. Начиная с того, что межкорейский разлад, тяжелейшую войну и разлом по 38-й параллели не стоит рассматривать в черед других внешне подобных противостаний, имевших место в мире: любое сравнение будет хромать. Хотя бы по той причине, что в национальном сознании и на бытовом уровне случившаяся в 50-х годах прошлого века катастрофа воспринимается самими корейцами не как следствие глубокого гражданского раскола, а прежде всего как продукт воздействия внешних сил. По обе стороны параллели (знаю это по собственному опыту) убеждены: основные злодейства в отношении корейцев (до, во время и после войны) вершили иностранцы: японцы в период колониального правления (в этом солидарны и Север, и Юг), американцы (с точки зрения северян), китайцы (с точки зрения южан). И именно на внешние силы в реальном, а не политологическом восприятии возлагается ответственность за разделение страны и народа. Это базовая установка, и, приняв ее во внимание, не трудно понять любую эскалацию противостояния в наши дни, как бы ни был высок ее градус, все же лишена самого опасного и тяжелого компонента — тлеющей внутренней ненависти по отношению к соседу.

>> стр. 5

ВЫБОРЫ

Урок недоверия

Даже в тех регионах Восточной Германии, где некогда обещанные Гельмутом Колем «цветущие ландшафты» стали реальностью, многие избиратели сделали выбор в пользу протестной партии «Альтернатива для Германии». **Йохан-Михаэль Мёллер**, главный редактор «Д» с немецкой стороны, размышляет, почему так произошло.

Исход выборов в Бундестаг поколебал многие истины, считавшиеся в Германии прописными. Не в последнюю очередь к ним относится убеждение, будто в немецком обществе прочно срослось то, что должно быть единым. Достаточно одного взгляда на карту с результатами голосования, чтобы убедиться в обратном: восток Германии существенно отличается от ее запада. Причем, похоже, это относится и к политическим взглядам немцев в целом. Во всяком случае, в плане электорального поведения Германия по-прежнему разделена. Расхожее обвинение гласит: многие восточные немцы все еще «не состыковались» с демократическим обществом. Однако при ближайшем рассмотрении такой вывод оказывается ошибочным. Отток из лагеря «народных партий», уже не таких массовых, как прежде, и усиление поддержки правопопулистской «Альтернативы для Германии» (АдГ) намного заметнее выражены в новых федеральных землях, нежели в старых. Однако столбиковые диаграммы, опубликованные вечером в день выборов, не отражают того, насколько глубоко успела измениться структура протеста в Восточной Германии.

Это уже не отзвуки ностальгии по ГДР, ушедшей в историю, не фантомные боли ампутированных био-

графий и противоречия посткоммунистического общества. К тому же АдГ не новая партия проигравших в результате воссоединения, как недавно на страницах The New York Times в очередной раз утверждал болгарский политолог Иван Йотов Крыстев. Результаты парламентских выборов на Востоке скорее отражают окрепшее самосознание и появившееся наконец стремление участвовать в общем обсуждении.

Увы, понимание этого потонуло в потоке поисков объяснения случившемуся, начавшихся сразу после закрытия участков. В действительности на этих выборах уже не было вечно недоверливого, неблагоприятного «осси», которого нужно как-то воспитывать или за что-то наказывать, якобы до сих пор не нашедшего себе места в свободном мире и уже успешного поднадоевшего Западу. Те, кто считает иначе, совершенно не понимают новую ситуацию!

Насколько сильно на самом деле изменились политические взгляды Востока, хорошо видно на примере Юга. То обстоятельство, что самые богатые и уверенные в себе регионы, такие как Бавария и Баден-Вюртемберг, настолько «подвели» Союз ХДС/ХСС, лишний раз подтверждает, что на этот раз нельзя все объяснять феноменом Востока, и в особенности застревания в прошлом.

>> стр. 4

Йохан-Михаэль Мёллер